

И ПОЗВАЛА В ДОРОГУ СКАЗКА...

В последние годы у Ольги Дружковой вышло в свет несколько сборников стихов и прозы. Ее имя уже пользуется заслуженным уважением среди читателей. Но я убежден, что все лучшее в жизни Ольги Дружковой еще впереди. К тому же она очень требовательна к себе, и примеров этому – не перечесть. Но я приведу хотя бы один: год назад она принесла мне на отзыв свою поэтическую сказку «Царевна-горошинка». Жанр этот для автора был в новинку, к тому же эта сказка предназначалась для детского чтения.

Открывая первую страницу, я почему-то волновался. Мое волнение, наверное, было оттого, что я прекрасно понимал – какой это трудный жанр. Ведь сказка почти всегда повествует о таких событиях, которые невероятны, фантастичны и даже абсурдны. И все же сказка может оказаться настоящей Правдой, потому что всегда и везде утверждает народную нравственность и мораль. Но что это? Да только одно – в этой жизни человек всегда должен быть честным, добрым, мужественным и правдивым. И еще – он должен всегда побеждать Зло и всегда любить Жизнь.

Вот под таким углом я и начал читать «Царевну-горошинку». И чтение меня увлекло, потому что Ольга Дружкова создала глубокие и запоминающиеся образы царя Гороха и его дочерей. Не спрятались от ее глаз и многие бытовые детали, связанные с царской семьей. Но особенно лег на душу сам сказовый стих, который заставил снова вспомнить наш русский фольклор.

И все же при первом знакомстве с этим произведением у меня возник ряд пожеланий и ряд вопросов к самому автору. И сегодня приятно вспомнить, что все они были с благодарностью выслушаны и приняты. А потом начался как бы новый этап работы: автор сказки буквально на слух выверяла каждое слово, каждую фразу. Ей хотелось достичь такого идеала, чтобы эта сказка была интересна не только детям, но и взрослым. И такое авторское устремление вполне оправдано, ведь сказки в народном сознании всегда считались самым высоким искусством. И цена у них была такая же, как у былин, пословиц и народных песен. Конечно же, Ольга Дружкова постоянно об этом думала, когда работала над своим сказочным текстом.

И вот работа закончена. Перед нами сейчас – самый последний, окончательный вариант, – автор рассказала нам до конца свою волшебную сказку. И сейчас начнется самое трудное – сказка должна прикоснуться к читательскому сердцу. И не только прикоснуться, но и покорить его и возвысить.

И я верю, очень верю, что так и будет.

Виктор Потанин,
член Высшего Творческого Совета
Союза писателей России

За леса, за перелески,
За тумана занавески
Весело бежит дорога
В славный край царя Гороха.

Вот и царская столица.
Царь столицей гордится.
В ней и храмы и палаты
Разукрашены богаты.
За стеною крепостной
Проживает люд простой.

А теперь – царя портрет –
Требует того сюжет.

Царь осанист и дороден,
В меру строг и в меру моден,
Ликом круглый и румяный
И без видимых изъянов,
Но завиднее всего
Были зубы у него –
Белые хорошие,
Как в стручке горошины.
И Горох любил смеяться,
Перед людом красоваться.

Всё бывало он шутил,
Думой ум свой не мутил,
Скажет так порой:
– У Бога часу данного мне много!
Шла молва и про походку,
И про царскую бородку,
Говорили все: «Неплох
Вовсе даже царь Горох!»
Мол, не млад, не старичок,
Крепкий, ладный,
Как стручок!
За царя все ратовали –
Жили, похохатывали.

Выйдет царь на свой балкон –
А шабров со всех сторон!
Тут уж некогда зевать –
Царь любил повоевать.
Посмеется, погоочет
И опять уж в драку хочет.

Воевал он с королями,
Да с соседними царями.
Думал так Горох: чем ждать,
Надо первым нападать.
Он считал, что упредить –
Это значит победить.

Ох, и смех же брал его,
Когда вздумает чего.
– Есть хорошая затея,
Не пойти ль на Пантелея?
Я гляжу: с чего бы статься
Стал он больно задаваться?!
А к лицу ему иль нет
Это всё на склоне лет?
Э...да Пантелей – протак,
Все не так, да и не сяк
Стало у него в державе,
Я молчать о том не вправе.
Надо войску поручить
Пантелея проучить.
Как в ту пору, так сейчас –
Вот пример: не в бровь, а в глаз!
Вновь в поход, труба завет,
Поднимается народ,
С запада и до востока –
Войска много, как гороха,
Все с оружием до зубов
Хватит ли на всех гробов?

Так и шли оравами
Пехотинцы brave.
Кто на драку не придёт,
Тому хуже попадёт.
Шли царёвы личные
Конники отличные.
На войну, как на парады –
Пусть самих побьют, а рады.

Царь Горох взойдет на кручу:
– Я вам чучу отчебучу!
У того, кто мне не рад,
Если зубы были в ряд,
Сделаю, что станут в кучу.
(Свою совесть не замучу.)

Пыл, задор и ералаш –
Вот такой правитель наш!

Только часто так бывает –
Счастье быстро убывает:
Как на солнышке роса
И как девичья краса.

Ни народ и ни бояре,
Ни соседи-государя,
Ни весь двор в большом наборе,
Не предполагали горе!
– Да?
– Ни-ни!
– Хотя...
– Едва,
У царя ж их было два!

Торе первое о том,
Царь наш с лишним был перстом.
Это тайна! Но наш малый
Был, ребята, шестипалый.

Чтобы толк пресечь в зачатке,
Не снимал с руки перчатки.
А рука-то правая
Все твердит, мол, права – я,
Хоть и был сам царь – сокól
Плакал Луковне в подол.
Луковна – его жена
(Пантелеева сестра)
Зело уж была мудра.
Так он ей одной винился:
– Что ж таким я уродился?
Разве в том я виноват,
Что по жизни резвый хват.
Говорил расстроено:
– Так рука устроена –
Сильная, могучая,
Только загребущая.

Вот шесть пальцев он имея,
Был готов у Пантелея
Царство ближнее отнять,
Да царица умудрилась
Это как-то все замаять,
Словно убаюкивая,
Утешала Луковна:
– Что ж бери, когда дают,
И бери, пусть даже бьют.
Мы ведь знаем это сами:
Бог один судья над нами!
Всех иных в виду имея,
Но не брата Пантелея.

Генералы первыми
В его мудрость верили
Ну, короче говоря,
Умирили за царя.
Для царевой славы,
Для родной державы.

Было и второе горе,
Мы вам тайну приоткроем,
В жизни бурной и кипучей –
Это был особый случай.
Случай уморительный –
Все ведь относительно...
Нагорюемся без горя,
Слез прольем большое море.
Нам бы только всё стонать,
Да судьбину проклинать.
А сказал бы кто: Наплюй!
Будет горе и горюй.
Эк! без горя горевать!
Горе бы прогоревать.

У царя уж были дети.
Две кровиночки на свете:
Орлик – сын, Кутафья – дочь,
Тут бы все волненья прочь,
Да еще родилась крошка –
Мельче мелкого горошка.
В ужасе вскричал Горох:
– Наказал же меня Бог!
Что теперь мы делать будем,
Как ее покажем людям?
И решили так – молчок!
Тайна! Зубы на крючок!

Ни царевич, ни царевна
Это правильно, наверно,
Пусть не знают до поры
О наличии сестры.

А Горошинка росла,
Так пригожа, весела,
И смеялась без конца –
Вся натурою в отца.
Все хотела поскакать,
Бегать, прыгать и играть.
Ждет, как матушка придет,
Да светёлочку запрет,
Да коробочку придвинет,
Доченьку оттуда вынет.
Ну, царевна веселиться,
Ну, Горошинка резвиться.
Круглый стол казался полем.
Ну, а горенка тем боле!
Сядет матушка к столу,
Руку даст, как на скалу,
Дитяtko с трудом взбиралась,
Вместе весело смеялись.
Приходил и царь Горох,
Ростом был под потолок,
Он казался великаном
И Горошинку желанной,
Дочкой милой называл,
Очень уж поваживал.
От пирушки до пирушки
Мастерил он сам игрушки,
Часто долго с ней играл
И во всем ей потакал.
Ищет крошку на носу –
Та из бороды смеется,
В кудри папины забьется,
Спряталась там, как в лесу.

Он ладошку подставляет,
Удивляясь – вот смешная!
И царевна удивлялась,
В мир большой душой влюблялась,

А среди ее друзей:
Пчелы, мухи, тараканы,
Стрекоза и муравей.

Но тревожилась все мать:
Стала детка подрастать,
Захотелось все ей видеть,
Захотелось все узнать.

Ноживал наш царь, как туз,
Но случился с ним конфуз,
Испарился весельчак,
Да! Бывает и вот так:
Как Горошинка родилась,
Для него все изменилось.
Всё бы, вроде, ничего,
Тайна старила его.
С этой тайною он жил,
В этой тайне горе мнил.
Он менялся просто страх
У народа на глазах.
Царь иссох весь, пожелтел,
Задыхался и потел,
Ясные глаза ввалились,
Руки – крюки удлинились,
Потому что каждый год
Увеличивался горб!

Вот что поразительно –
Стал он подозрительным.
Раньше всем он доверял –
Ныне перепроверял!

Грохнет, хлопнет, бухнет дверью:
– Никому-то я не верю!
Как могу вас извинить,
Все готовы изменить,
Надо мной смеётесь!
Ну, уж, добьетесь.

Всех я вас поколочу,
Я за что всем вам плачу?
Что бы вы же воровали?
Ох! И так уж обобрали!

Чаще и не под турахом
Стал он подвергаться страхам.
Через пень теперь колода,
Напугался воевода:
– Годы ратного труда
Позабыл царь! Вот беда!
Не клейми ты нас, скорбя
Ведь мы любим все тебя.
Не хотели мы дурного,
Иль чего-нибудь такого,
Чтобы это доказать
Мы готовы жизнь отдать.

– Знаю! Знаю! Знаю! Знаю!
Потому не доверяю.
Если прав, о чём страданье!
Вот вам наше пониманье....
Кто успел провороваться,
Тот и лезет оправдаться.

Мудрых слушал царь Горох,
А теперь совсем оглох,
Был почти царь идеальным,
Стал теперь он вздорным, взгальным.
Да, с таким не сваришь щей:
Стал скупым, как царь Кощей.

Пересчитывает все.
Слугам стало не житье:
Сколько раз – чего вы съели,
Сколь подушек на постели,
Сколько выпили вина,
Почему и чья вина?
Казначей, чтобы ответил:
Сколько пущено на ветер,
Жили вольно и красиво,
Нынче стало всё противно.

Возлюбив свою казну,
Начал притеснять жену!

– Воры все, – кричит Горох, –
На своих же поваров.
– Уж на кухне посижу,
Да за вами послежу!
Хватит ли у вас таланта
Тайно выкрасть провианта?

Вот огонь в печи трещит,
Смотрит царь, как варят щи!
– А не то проспишь обед –
Хвать, говядины-то нет!
Было жутко, просто страх,
И валялись все в ногах:
– Ты помилуй, царь-отец,
Не злодеи ж мы в концец!
– Знаю, знаю, каждый знает:
Вор вором же погоняет!

Жадным стал до неприличья,
Потерял свое обличье.
Тех, кого должён кормить,
Начал голодом морить,
Даже Луковна и та
Стала бледна и худа.
И с чего казалось, ить,
Взять еды и попросить,
Нет, сердешная стеснялась,
Ну, и что же с нею случилось?
На тот свет чуть не сошла,
Да Горошинка спасла.
Ей одной еды хватало –
Крошка хлеба! Разве мало?
– Ей бы толику добыть!
Луковна решила жить.

А коль делался царь хуже –
Этому ответчик нужен.
Слух по городу идет,
А кто ищет, тот найдет.
Вот и до того дошли –

– Ведь колдунью-то нашли!
– Дочь родная! Ты представь, а?
Выходило, что Кутафья?
Очевидцы уверяли,
(Да их разве проверяли),
Видели ее полевкой
И сорокою-воровкой.
От нее-то, мол, все зло
На Гороха перешло.

Царь Кутафью так любил,
С ней беседы всё водил.
И она отца любила,
По приказу щи варила,
Остальных-то поваров
Перевешал царь Горох.
Неужели выйдет грех?
Ей он верил дольше всех.
Но вопил вокруг народ,
Что придумает, то врет.
– Что нам делать?
– Как нам быть?
Как нам делу пособить?
Враг домашний пуще всех,
Нас распишет под орех.
Было царство, было счастье!
Всех погубит в одночасье!
И рассыпался слушок,
И ничем не скрыть душок.

Царь с царевною остался,
Инда сам перепужался.
– Раз один тебе потрафь я
В руки власть возьмешь, Кутафья!
Думал долго царь Горох.
К утру лишь придумать мог:
– Чем так дальше рисковать,
Замуж надобно отдать.

Лучше рваные надежды,
Чем бумажные одежды.
О Кутафьиной красе
Знали всюду, знали все.

Правда, слухи дребезжали
И хороши, и плохи,
Но к Гороху наезжали
Очень часто женихи.
И Кутафья каждый раз
За отказом шлет отказ.

Видел свет таких невест –
Сидя в девках надоест,
И однажды так приспичит –
Лишь бы был жених в наличье.
Приезжали, наезжали,
Уезжали женихи.
Только их не привечали,
Только: – Нет!
И взмах руки.

Вот мечта, любовь всех девиц
К ним заехал королевич.
На веселие, как встарь,
Заявился сам Косарь.
Был он умница в речах,
Сажень целая в плечах,
И фигурист и красив,
Он ни скромн, ни спесив,
Знал каноны, знал псалтырь,
Даром, что и богатырь.
Тем булава б да клинки,
Крепкий лоб, да кулаки.
Достучался до Гороха,
Что само собой не плохо.
Царь выходит на крыльцо –
Пожелтевшее лицо,
Непривычная картина –
Где же, где же? Царь – мужчина?
Говорит ему Косарь:
– Извини, мне очень жаль,
Выпьем, вместе поболеем,
А к утру оздоровеем!

Царь ему: Мне не до смеха!
Говори, зачем приехал?
Королевич вновь винится,
Головой ему клонится:
– Говорить? Ну что ж – не прочь,
Можешь делом мне помочь.
Королем чтоб утвердиться,
Надо срочно мне жениться.
– Ну, а я-то тут причем?
– Вот тебе челом и бьем:
Напрочь распри позабудем,
Дочь отдашь – роднею будем.

Но случился тут подвох,
Сам не свой стоит Горох,
Отвечает грубовато:
– Королевство маловато,
Сам себе еды добудешь,
А семью кормить чем будешь?

Все доподлинно так было.
Закусил Горох удила,
Хоть ты в лоб ему ударь,
Чем же не жених Косарь?
Аль обидел чем случайно?
Так доселе это тайна.

Впрямь, обиделся Косарь:
– Не сложилось, очень жаль,
Королевство маловато?
Только планами богато.
Может и мало оно,
Да как знать – что суждено.
Что большое царство – шик!
Но придет беда и – пшик!
От него, так может статься,
Что следа-то не остаться.
Отгадай мою загадку:
– На Медведя есть рогатка!

– Хвастовство и баловство.
Молод ты еще – во-во!

Царь Кутафью не спросил,
Инцидент тот погасил.
И Кутафья не спросила,
Как беседа проходила.
Все слыхала, что могла
Из девичьего угла.
В королевича влюбилась,
Пометалась, но смирилась.
Что ж, родителям решать
За кого ее отдать.

Продолжаем по порядку:

Стал Косарь решать «загадку»,
Он не снес обид, позора
И в войну вступает скоро.

Наголову, не жалея,
Жахнул войско Пантелея,
Чуть в полон его не взял,
Да тот вовремя слинял.
Убежал к царю Гороху,
Уж он ахал, уж он охал:
– Предлагал тебе: вдвоем
Втихаря давай побьем!
– Говорил, но только знай –
Ты меня не запрягай.
Здесь по теме и по делу –
Чья рубашка ближе к телу?
Пантелей опять: «Горох,
Зря, что мне ты не помог,
Вот Косарь сюда придет,
Тебе холку надерет».
– Закрываем сей вопрос –
Твой Косарь – молокосос.

В пух разделав Пантелея,
Шлет Косарь послов скорее
К Пантелееву соседу
Сватовством вести беседу:
– Раз невестин ты родитель –
С боем медлит победитель,
В жены дочь твою желает,
От того не нападает.

Лучше в улье пчел озлить!
Он послов велел казнить.
Косарю ж для хвастовства,
Шлет собаку без хвоста,
Очень нравы дики были,
Хвост собаке отрубили.
Дескать – на тебе, вот – вместо...
Чем невеста не невеста?

И горяч Косарь же был!
Поднялись огонь и дым.
На гороховом на поле,
На зелёном на приволье.
Сколько сёл он истребил!
Сколь народу перебил!
Выше неба клубы выются!
Там враги не разойдутся,
Хоть бери воды ушат,
А когда паны дерутся,
У холопов лбы трещат.

Царь лютует, царь орет,
Войска он без счету шлет,
Но Косарь всех поделил:
Тех разбил, других пленил.
И Гороху уж не спится,
Ведь Косарь у врат столицы!
Обложил её кругом:
Ни ползком и ни бегом.

Ни проезду, ни прохода.
Не моста тебе, не брода!

Вновь Косарь зовет послов,
Передать с десятков слов:
– Дал бы замуж свою дочь,
Можно бы стране помочь,
Можно распри пересилить,
Можно гордость превозмочь.
Говорят царю послы:
– Хоть, как первых нас казни,
Подневольные мы люди:
Только справедливость любим!
– Лучше уж умру я сам,
Но царевну не отдам,
Передайте Косарю,
Что я наглых не люблю,
Пусть берет сам, если хочет,
(Тут, глядишь, на меч наскочит)
Я ведь вам не Пантелей –
Я гораздо как смелей!
Не Горох, а дикий пламень.
Ну, нашла коса на камень.

Он послов велел казнить,
Вовремя остановить
Посчастливилось Кутафье:
– Люди добрые, оставьте!!

Бросилась сама к царю:
– Со слезами я молю,
Лучше ты меня казни,
В этих людях нет вины,
Голову снимай с меня,
Неповинную вина,
Ведь из-за меня несчастной
Льется кровь, причем, напрасно,
Гибнут люди, гибнет всё,
Стон из городов и сёл.

– Неужели я так плох? –
Отвечает царь Горох.

Тут его уж так проняло:
– Дочка папу променяла
На каких-то там послов!
Косарёвых наглецов!
Может, правду говоря,
Ты влюбилась в Косаря?
Я... его... да... одной... левой!
Ты не станешь королевой.
Хоть всё царство погублю,
А башки вам отрублю.
Мне по горлу острый нож,
А ей замуж невтерпёж.

Позабыв про день вчерашний,
Он царевну запер в башню.
И под каменный покров
Шлет туда же и послов.
У царей бывают «бзики»,
Стал Горох таким двуликим,

Лишь того и не хватало,
Чтоб Кутафье впасть в опалу!

И царевна злилась:
– Чем я провинилась?
Все-то ненавидят,
Во мне ведьму видят,
Горько мне, обидно,
Выхода не видно.
И зачем красивой слить,
Лучше неприглядной быть!
Лучше бы казнил отец:
Так и так один конец.
И ее жалеет мать:
– Ну чего с девчонки взять?
Ведь не виновата,
Засадил куда-то...

Плакала царица-мать,
Мужу поперек сказать
Ни-ни-ни словечка,
Бедная овечка.

Вот Горошинка, она
Это видела одна.
Если мать уж плачет,
Дитяtko тем паче.
Очень крошку занимает:
Что царицу донимает?
Плачет женщина большая!
Плачем, чадо защищая.
Есть какие-то, поди,
И решенья, и пути.

– Мама, плачешь ты о чем?
Что молчишь перед царем?
– Слава Богу, ты не знаешь,
Ничего не понимаешь.

Подзывает дочку мать,
Ну, ласкать и обнимать.
Сердце не подозревало:
Это только лишь начало.

Были ведомы малышке
Языки жуков и мышки,
Мух, цветов и пауков,
Грубый говор мужиков.
А еще в семнадцать лет
Ей открылся и секрет –
С Божьего решения –
Способ превращения.

Превращалась и свободно
В птицу, мышь, в кого угодно.
И причем, когда захочет,
Интересно было очень.
Только мама засыпала,
Детка мухой улетала,
Облетала всю столицу,
Многих знала даже в лица.

В башню и к сестре своей
Пролетела без затей.
Там Кутафья у окна
Горько плакала одна.
«Муха» подлетела к ней
И давай жужжать сильнее.
И Кутафья голос слышит,
Будто кто вещает свыше:
Словно благоволит к ней:
– Утро будет мудреней...
И царевна испугалась,
К ней ничто не допускалось,
Крепко заперты все двери,
Чудо! верить иль не верить?
– Не пугайся, это я –
Младшая сестра твоя.

Вот так огорошила!
Сделавшись Горошинкой.
Всё сестрице рассказала,
Крепко в щеки целовала,
Обе не от младости
Плакали от радости.
Сердце сердцу должно биться,
Говорили, говорили –
Не могли наговориться.

Все ж царевна тем смущалась,
То, что крошка превращалась.
Думалась ей иногда:
– Вдруг колдунья? Вот беда:
Знает способ превращенья,
Так приветлива в общенье,
Уж не так знакомы ведь мы!
И какие они ведьмы?
Так сидит Кутафья мыслит,
А сестра читает мысли.
– Никакая не колдунья,
Правда, правда, я не врунья,

Но на мне такое бремя,
Как проклятье, нужно время,
Чтоб принять мне естество –
Надо сбросить колдовство.
Что же делать я должна?
Ведь отгадка так важна!
Суждено ли сбыться:
В деву превратиться?

Тут Кутафия с мольбой:
– Поделюсь и я с тобой.
То, что мы сейчас услышим,
Все изложено уж выше.
Мы вернемся только вновь
К важной теме про любовь.

– Я понять стараюсь зря,
Чем задела Косаря?
Почему он так хлопочет?
Почему жениться хочет?
Согласись со мной вполне –
Непременно, но на мне.
Говорила: – Вот проказа!
Ведь не видывал ни разу!
– А тебе он нравится? –
Говорит лукавица,
Та ответить не посмела,
Только очень покраснела:
– Полюбился он другим,
Стал сейчас каким-то злым.
Ум и сердце не в ладу,
Я ответа не найду.
Тут вздохнёт, наверно, кто-то
– Вот бы мне её заботу!

В государстве было страшно
Много всяких перемен.
Например, сын Орлик-старший
Угодил во вражий плен.
Счастье, как метлой сметало,
И Кутафия пропала.
Отворили утром дверь –
Нет ее, исчезла дочь.
Караул приставлен был,
А ее и след простыл.
Было тут чему дивиться,
Нет Кутафьи, есть девица!

Что же здесь тогда случилось,
Коль другая появилась:
Девица горбатая,
Рябая, носатая?
Что такое? Кто такая?
Сидя платьице латает.

Посылают во дворец.
В ноги падает гонец:
– Караул прошёл в рассвет,
Все в тюрьме – Кутафьи нет!
– Ну, смотрите, коль наврали!
Часом в карты не играли?
Царь такого старта дал,
Даже шапку потерял.

– Всех казню!
– Помилуй царь!
Или верных псов не жаль?
Крой каким желаешь матом,
Только мы не виноваты.

Посмотрел царь на девицу,
Пуще стражников дивится:

– Да с какого ты куста,
Растакая красота?
А она ему в ответ:
– Где была, теперь уж нет!
Еще шибче он дивится,
Что паршивка не боится.
– Ну-ка, девка, поднимись,
Перед нами повернись.
Встала, держится за лавку,
Одежонка вся в заплатку.
– Боже! Этакую ворону
И казнить-то нет резону!
Как же звать, красавица?
– Обзывай как нравится.
– Клюшкой? Плюшкой? Кочережкой?
– Нет, точнее – Босоножкой.
Расходилась, не боится:
– Будет, царь, тебе сердится,
Знала я еще малой –
Ты совсем, совсем не злой.

Много видел царь чудес,
Здесь чудес дремучий лес:
– Мне тут в пору расшибиться,
А ей зело веселиться!
Леший знает, кто такая
И кого напоминает?

– Нет, теперь какие шутки?
Ныне заступлю на сутки!
Не пойду домой обедать,
Буду я по стенкам бегать,
Шутника чтоб скараулить,
Буду день и ночь дежурить.
А царица во дворце
Плачет – речкой льется:
Нет Горошинки в ларце:
Детка не найдется!
А еще заскоки наши –
Царь велит: – Несите каши.
Мол, с сегодняшнего дня
Караулю в башне я.

А народ, что был в столице
Голодает, дюже злится,
Мертвые кругом лежат,
Новый день другим пужат,
И царя уж не боятся,
Видят в нем придурка-старца.
– Выходи к нам, царь Горох,
Что б ты в башне этой сдох!
Слушает Горох и плачет,
А давленье так и скачет.
– И зачем я так гордился?
На людей собакой злился.
Добрым был, куда ни шло,
Всем-то было хорошо.
Добрым быть – в том польза есть
И заслуг не перечесать!
Стало тут его знобить:
– Вот как следовало жить!
Лучше с лаской и участием,
Много ль надо людям счастья?

А девица свое гнет:
Сидя у окна поет.

Песня.

*«Жил да поживал Горох,
Победить его никто не мог,
А вся сила в том была,
Что желал он всем добра».*

Правда, правда, – шепчет Сам,
Слезы льются по усам.
Мудро девица глядит
И толково говорит:
– Вот что, царь, скажу тебе же –
Не меня ты в башне держишь.
Я умом-то так сужу –
Это я тебя держу.

Так ступай домой к царице, –
Заждалась она в светлице!
Я приду за вами, понял?
Буйну голову царь поднял:
– Как же я пойду, убьют?!
– Мои чары проведут.
Оторвав лоскут с одёжки,
Обещала Босоножка:
– Пригодятся мои знания,
Не отдам на растерзанье.
Пропуск будет провозжать,
Никому не удержать.
Так при помощи заплатки
Царь «играл» со стражей в прятки.
Без утайки он шагал
И никто не узнавал.
Ни враги, ни друзья,
Ни царёвы слуги.
В гневе царь на них вскипел,
Всех казнить было хотел.
Правда, вспомнил, что верней,
Быть терпимей и добрей.
Он бродяжкой притворился,
С боем к Луковне пробился.

Слуги, пропустив в покой,
Дали вот наказ какой:
– Господи ее спаси,
Ты уж хлеба не проси,
Сами знаем, вот те крест,
Через день царица ест,
Все из-за Гороха,
Будь ему так плохо!

Мужа Луковна узнала,
Бросилась к нему сначала.
Он ей вовремя мигнул
И тихонечко шепнул:
– Собирайся поскорее,
Убежать еще успеем,
Перелезем ров, между
Там я все и расскажу.

Во четыре-то руки
Сборы были коротки.
Собрала она в лукошко
Домик, где жила Горошка.
Посидели на дорожку,
Пожалели свою крошку,
А дошли и до порожка,
Подоспела Босоножка
И, велев прикрыть им лица,
Повела царя с царицей.
Тут догнал их Пантелей:
– Как родню хоть пожалей,
– Ладно, вместе веселей.

Окружил Косарь столицу,
Ничего он не боится,
И теперь второй уж год
Не назад и не вперед.
О своих войсках хлопочет,
Брать он приступом не хочет,
Воинство своё жалеет,
А противник все редееет.
Вот сидят и ожидают.
Ну, а пленники страдают.
Больше всех красавец Орлик –
Хлеб чужой ему так горек.
В сущности, еще ребенок,
Маменькин сынок-орленок,
Напророчила Звезда,
Выпасть сыну из гнезда.

Стала стража замечать,
Метит часто пролетать
Над его землянкой птица –
На лубовый верх садится
И стрекочет долго, много
Белобокая сорока.
Все по-своему стрекочет,
Словно рассказать, что хочет,

А уж Орлика заметит –
Криком радостным ответит.
Все в нее полили – страсть!
Только где ж в неё попасть!
И решили так: Сорока –
Это смерть, только до срока.
– Или дрянь пушистая!
– Нет, сама нечистая!
Стали все ее чураться
И отчаянно бояться.
Так и дело повернули –
На нее рукой махнули.
– Этак будет лучше, чать!
Вовсе чтоб не замечать.

У столицы стон и плач,
Вражеский устал палач.
И чем горше жить царю –
Веселее Косарю!
За стрелюю шлет стрелу
Каждый день через стену.
Задышается страна,
А он пишет письмена:
«Слушай, выпьем, царь, по-русски,
Так и быть, уж дам закуски»
«Говоришь: Нет и рожна?
Дам и пива, и вина!»
«Передай там Пантелею –
Все одно его обрею».

«Чтоб тебе в вину вменить,
Буду Орлика казнить
При народном обозренье –
Таково мое решенье!»

Ждал ответа, ждал он, ждал,
В городе ж никто не знал,
Что цари не опоздали –
До рассвета убежали.
– Если вам не важен сын,
На рассвете и казним.

Раз царю казнь – не печаль –
Ты, Косарь, де отвечай!
Надоела волокита,
Значит, тема и закрыта!
– Всех казнить!
– Кого?
– Найдутся!
– Будут знать, над кем смеются!

Утро казни так уныло,
Войско Косаря застыло.
Трубы больше не молчат.
Вывели царевича.
Он перед врагом не трусит,
Нижняя губа в прикусе,
Не просил пощады вражьей.
Был достойным и отважным.
И глядел с большим трудом
В сторону, где отчий дом.
И опять тут с тылу, с боку
Все увидели сороку,
Подлетела, зарыдала,
К пленнику на грудь упала.

И взвилась вдруг над самой
Косарёвой головой.
– Это, что еще за птица?
Королевич стал сердиться.
Отгоняет стража птицу,
А она пущей кружиться.
Нападала и не раз,
Клюнет в руку, клюнет в глаз.
Испугались: «Нечисть! Блазнит!»
А она летит, как дразнит!
Начали стрелять – напасть!
Снова в птицу не попасть.
– Эй! Убить – кричит – долой,
Да, куда уж вам, постой!
Быстро дайте лук и стрелы.

Ну, пока гляделки целы.
Покажу вам, как стрелять,
А не в белый свет пулять.
Натянул Косарь свой лук,
И стрела запела вдруг,
И как будто с глаз морока,
Падает с шеста сорока.
К изумленью всего люда
Тут опять свершилось чудо
Неписанной красоты:
Дева сверглась с высоты.
И сейчас в ней непременно
Узнают свою царевну.
Вот гостинец, так гостинец!
– Он поранил ей мизинец!
Прибежал туда Косарь,
Окруживших разбросал,
На колени подле встал
И тихонько прошептал:
– Ах! Ты, девица, бела,
Что со мной ты сделала?
Тут она раскрыла очи.
Слышен голос, слабый очень.
– Казнь быстрее отмени,
Орлика ты не казни!
Он ни в чем не виноват –
Это мой любимый брат!

Он платком отмашку дал,
И народ весь зарыдал.
Стражники вдруг отступились,
На слова здесь не скупилась.
Орлика ну, величать!
С уст сошла беды печать.

Ну, а нам в конце-концов
Надо вспомнить беглецов.
Не иголка, чай найдутся,
Вот они тропой плетутся.
Ох, уж эти ходоки
Царственные мужики.
Босоножка не боится
Меж лесов и пустырей
И ведет с собой царицу
Да еще и двух царей.
Медленно цари идут,
Ведь они еще и тут
Успевают ссориться,
Дело и не спорится!
Начинал все Пантелей:
(Не забыл казны своей)
– Сколько золотишка было!
Только все врагу уплыло.
– Ты бы, милый человек,
Прошлогодний вспомнил снег.
– А твое-то где богатство?
– Там же где и государство.
Так в походный диалог
Подключился царь Горох:
– Был народ трудолюбивый,
Умный, честный, не злобливый,
А какой же весельчак!
Весь в царя был как ни как.
И, вздохнув, он прибавлял:
Многое б поисправлял.
Стоит нам назад взглянуть,
Наломали дров, вот жуть!
Но ему и тут неймётся,
И опять он задаётся
И опять бахвалится:
– Посчитай-ка пальцы.
И открыл Горох секрет:
– У тебя такого нет!

Пальцем я других богаче,
Пантелей, тебя тем паче.
Как мы видим с давних лет,
Есть в шкафу у всех «скелет»

Кто из нас не замечает
Как себя «ноль» величает?
– С пальцем этим никогда
Не сравнится борода!
Против нашей бороды
Палец твой пол-ерунды!
Долго спор тянуться мог,
К счастью, Понтя изнемог.
И пока Горох все якал,
Сел на кочку и заплакал.
Стало совестно Гороху,
Сокрушенно он заохал,
– Слушай, братец Пантелей,
Ты о прошлом не жалея,
Выведет и нас авось!
Дело мокрое ты брось!
– Я, Горох, давно молчу.
Я попить, поесть хочу.
Лучше б умереть в столице,
Иль во вражеской темнице.
От секиры иль от плети,
Чем вот так голодной смертью.
Или сдаться Косарю!
Я те точно говорю.
Подзывают Босоножку,
Та с поклоном к ним идет,
Из холстиночки горбушку
Пантелею подает,
Царь сухарик съел в присест,
(Черта дай – с копытом съест)
Босоножке угрожает:
– Ты такая и сякая
подавай еще и щи,
Киселёчка поищи!
– Перестань, обед неплох, –
Заступился царь Горох:

– Так уж издавна ведется,
К хлебу и вода найдется,
Вот попей-ка из ручья.
Божия вода – ничья.

Сказку быстро рассказать,
Да не быстро написать,
Что-то можно поужать,
Только мысль не удержать.

Босоножка спесь не кажет,
Каждого поймёт, уважит,
Ей же в отчие хоромы
Тропки были все знакомы.
Упираясь палочкой,
Семенит вразвалочку.
Луковна с утра молчала,
Своих деток вспоминала,
Да боялась за Гороха.
Трудная была дорога,
Как опасность миновала,
О другом кумекать стала:
И куда ведет дорожка?
Кто такая Босоножка?
Платьице дырявое,
Вся сама корявая.
Еще эта срамота –
Раздражает хромота,
Волос вьётся – черны ужи,
Не нашел царь девки хуже!
Прямо чучело на вид,
А ещё чего-то мнит!
Только мысль мелькала тоже:
– На кого она похожа?
Так идёт и вспоминает:
– Нет, кого ж напоминает?
Стала Луковна ворчать,
Чаще стала страсть серчать,
– Эй куда ты нас ведешь?
И цари за нею то ж:
– Не наткнуться б на врага,
Криволапая нога!

Босоножка обернулась,
Государям улыбнулась:
– В гости выйти помогу
К свадебному пирогу.
Коль идти мирком сумеем,
Прямо к свадьбке поспеем.
Ох! Досталось же ей так!
Понавешали собак:
– О! Шутница-то какая!
Да к тому еще и злая.
– Разве можно так смеяться?
С горем нам не расхлебаться.
– До какой, уж тут до свадьбы?
С ног усталых не упасть бы!
Та царям лишь улыбалась
И загадочно смеялась!
Луковна опять царю:
– Ведьма, верно говорю!
А девица уж вперед
К панораме их ведёт.

Горизонт шпильями вспорт.
Впереди какой-то город
С башнями, хоромами,
Вратами огромными.
Перед градом вражий стан,
Растянулся по верстам.
Да повсюду много войска,
И гарцуют кони бойко.
Стушевались тут цари,
Чуть назад не уехали.
Пересилил Понтя страх,
(не о будущих верстах)
Вспомнил он о вкусных щах.
– Может быть, еду найдем!
Не накормят, что ж уйдем.
Скока кущами таскался,
Так по щам истосковался!

Луковна с ним соглашалась,
Было видно, что промялась.
Да Горох был сам не прочь
В этом деле им помочь.
– Голод думой не насытим.
И они решили: Выйдем!
Уж не страшен вражий стан,
Вкусный ужин был бы дан.
Сам себя Горох за тайну
Все корит – сболтал случайно
Пантелею! Чарку вмажет –
Тот час тайну всем расскажет.
И одумалась царица,
Босоножки уж стыдится:
– Навязалась нам, чумичка,
Ишь ты, выискалась, птичка!
Осрамишь перед людьми,
Позади, давай, иди.
Подмечали с давних пор:
Тонут, так сулят топор,
А за помощь да смекалку
Станет топорища жалко.
Дальше странники идут,
Их уж видят, их уж ждут,
Так и валит к ним народ.
Выступает Царь вперед.
Пантелей осанится,
Что тебе красавица.
– Ужо ближе подойдем,
Пахнет щами, киселем.
Можно у порошка сесть,
Лишь бы кисельку поесть.
Смотрит царь, глядит царица –
Может это всё им снится?
Смотрят, глазонькам не верят –
На гнедом сам Орлик едет,
Едет вместе с вражьей ставкой,
Да еще и машет шапкой.
Со знакомыми, родными
Дочь Кутафья вместе с ними!
Рядом с ней жених – Косарь
И не злой и не сухарь.

– Вот и каша, да не наша!
Наша рот чужой нашла:
У такого Косаря
Фиг добудешь киселя!
Пантелей так испугался,
Мол, без ужина остался
И хотел он убежать,
Но успела Босоножка
Как-то все же удержать.

Собрались ватагой всей
Царь Горох обнял детей.
– Ох, цела моя столица!
Ну, креститься, ну молиться.

Подошел к нему Косарь –
Развеликий государь,
Царь туда же! Чваниться:
– Голова не свалиться
От поклона – говорит,
(Срам осады позабыт).
Поклонился наш герой
И сменил злодея роль,
В ноги бухнулся ему:
– Я не тать, все по уму.
Без Кутафьи жизнь не мыслю.
– Я об этом поразмыслю,
Гнев на милость Царь сменил
И вперед засеменял.

Как проносят мимо ложку,
Все забыли Босоножку.
Помогла, и слава Богу!
Уступи теперь дорогу.
Вот с великим торжеством
Всех ведут в походный дом –
В государеву палатку.
Пировать везде ведь сладко.
И шатер уже не тесен,

И подблюдных много песен,
Все ликуют и поют.
Мыслям ходу не дают.
И с какой, мол, это стати
Все вокруг теперь мы братья?
Кто врагов нас вместе свел
За один обширный стол?
Вот она превратность были,
Воевали и забыли,
Где и на каком погосте
Догнивать остались кости?
Кто в жестокой сече, в драке
Пали просто в буераки
Ни за землю, ни за дом,
Перепаханные злом!
Из-за прихоти, амбиций
Долго кровушке-то литься ль?
И теперь у нас, как в стари,
Есть такие «государь»,
Что как слон «посудну лавку»
Разбомбят, устроят давку,
Короля повеселят,
В квашню ноги свесят,
Мол, отстряпались и ладно,
Ни те жарко, ни прохладно.

Целовались все цари:
Дескать, как же мы могли
Ссориться и драться!
Нет, чтоб разобраться.
Смерть прошла, уже с косой
И Косарь совсем не злой,
А по кубку поднесли,
Тут такое понесли...
Рядом свадьба хлопотала,
Мать Кутафию пытала,
– Расскажи мне, что случилось,
Как все это получилось?
– Это долгий разговор...
Будет до удобных пор.
И когда-нибудь с тобою
Эту тайну мы раскроем.

Подожди немножко,
Даст сигнал Горошка.
Луковна и удивилась:
– Знает всё, скажи на милость!
Но пока шумел сыр-бор.
Отложила разговор.
Долго не стихала свадьба.
Вина, пиво, сельдь, оладьи,
Брага, гуси, пироги
И баранин мозги.
И налили Пантелею
Щей самих квасцов кислее-
Косарю родне не жаль.
Он женат! Долой печаль.

Сколько свадьбе бушевать?
Надо и приличье знать.
Царь с царицею опнулись,
Рады, что домой вернулись.
Глядь: у маминой палаты
Босоножка шьет заплаты.
– Что глядишь, «красавица»,
Есть на что позариться?
Поперхнулась стара злостью,
Как собака Тявка костью.
– Ты на свадьбе била пятки,
А я здесь чиню заплатки.
Ты с сестрицею шепталась,
Я объедками питалась.
– Как? Сестрой Кутафью звать?
Это наглость так сказать.
Прикажу – тебя метлой
Быстро выставят долой.
– Мама, мамочка, моя,
Я ж Горошинка твоя!

Царски руки опустились,
Слезы в три ручья пролились,
Боль по сердцу полоснула:
– Мне ж Кутафия шепнула –
Это все Горошки дело,
Как я дура проглядела?!

Но, взглянув на Босоножку,
Вспомнила опять ту крошку,
Как с ней вместе веселились,
В лепестки цветов рядились,
До чего была мала!
Ведь с горошинку была!
– Не обманешь меня, дылда,
Часом место не забыла?
Не похожа ты на дочку!
(Пало яблочко с дубочку).

Горе – вместе, счастье – розно,
Вот поэтому так грозно.
Всем помочь с душой старалась,
А сама ни с чем осталась.
Ей, как нищенке грубили,
А потом совсем забыли.
Не поймет никак она:
– В чем же, в чем моя вина?
Как во чтоб ты не рядился,
Кем родился – тем родился,
Мне ведь детство не забылось,
И душа не изменилась.
– Ну, куда с тобой мне деться?
Тоже нищенкой одеться?!

Горе – горько пуще перца
И под рванью бьется сердце.
Только не понять царям,
Что понятно с детства нам.
Луковна: Боюсь Гороха,
Нам обеим будет плохо!
Уходи давай с пути ...
– Некуда мне, мам, идти!
– Да какая тебе мама!
Господи, какая драма!
Чучело! Ты-чучело!
Ну, вконец замучила!
Что ж мне голову ломать,
За Кутафьей надо слать?
Верно! И умом меня моложе
И в такой беде поможет.

Ма приехала двором,
С мужем, значит, с королем.
И на радости такой
Затевают пир горой.
Для гостей скорей парную –
Веселись напропалую!
И поёт наш Пантелей:
«Пляши – лапти не жалей»
И по кругу он несётся,
Борода его трясётся-
Победитель не зажал,
Царство все назад отдал!
Пантелей развеселился,
Будто бы вчера родился.
От него куда деваться?
Лезет всюду целоваться.
Царь Горох на это злится,
Очень нежностей боится:
– Это дело я с пеленок
Не люблю, ты, как теленок,
Право слово, Пантелей,
Понавешал всем слюней.
– Ах! Горохушко! Каков!
Я вот воевать готов!
– Ни-ни-ни! Навоевались.
Без штанов чуть не остались.
И добавил он: «Притом,
Глянь – одна родня кругом».

А у Луковны забота,
Ей уж ох как не охота.
Чтобы Босоножку-то
Не увидел бы никто,

Может быть, одеть, обуть?
– Спрячу в доме где-нибудь!
В дальней комнате одна
Посидит моя «княжна».

Понаехало гостей
Со всех весей, областей.
Здесь веселие и смех,
А Кутафья лучше всех.
Очень радостные дни,
Всюду музыка, огни.
Царь Горох затеи ладит,
Ходит, бороду всё гладит:
– А не скучно ли кому?
Грусть и горе ни к чему.
Пусть звучит веселый смех,
Я теперь добрее всех.
Босоножке в щель видать,
Как умеют там гулять,
Но веселие чужое –
Горе лукового вдвое.

Босоножка ждет сестрицу.
Отчий дом ей стал темницей,
А Кутафья все не идет,
Как-нибудь да увильнет,
Как-то мимо шла одна,
Та ей машет из окна:
– Милая моя сестрица,
Вам на что теперь сердиться?
Не случится ведь беда.
Подойдите раз сюда.
У Кутафьи важный вид:
Вот еще, она спешит!
Но однажды стыдно стало,
– Это кто? Я не узнала?
Говорят ей из окошка:
– Подойдите – я Горошка!
– Подожди – мне не досуг,
Ждет меня любезный друг.
Королева рассуждала:
– Ещё уши прожужжала,

Что умеет превратиться.
В зверя, муху, в плоть в Жар-птицу.
Все не так пошло, похоже,
Презабавна вышла рожа.
Помудрила где-то слишком,
Иль ее подвел умишко?

А с великого ль ума
Маме жалилась сама?
– Надоела эта рвань!
День и ночь в любую рань
В сад не выйти, не пройти,
Всюду встретишь на пути.
Это Луковну озлило,
Окна ставнями закрыла.
– Дай уехать господам,
Уж на чай, на сахар дам!
Тихо мышкою сиди
И меня ты не серди.
Тут и нам теперь пристало
Вспомнить, сколько раз бывало
По одежке нас встречали,
По уму де провожали.
Только думалось в печали –
Чьи умы нас провожали?
Во темнице свету мало,
Только щелочка осталась,
Но меж створок виден мир,
Щек пунцовых льнёт зефир.
И часами из окна
В щелочку глядит она.
Там другие веселятся.
Есть чему поудивляться
От восторга вся горя,
Видит вдруг богатыря.
На пиру он гость случайный,
А красив! Необычайно!
Бел лицом, глаза орлины,
Усы русы, кудри длинны,
Молод и хорош, удал,
Ехал, будто наблюдал.
Им любуются другие-
Гости пира дорогие.

Он у женских глаз в «плену»,
Все завидуют ему.
Косарю здесь не успех –
Незнакомец краше всех.
И Кутафья прошмыгнула,
Пару раз уже взглянула.
Сердце Босоножки птичкой
Бьется, пойманной синичкой,
Страсть ужо, как интересно,
Люб ей витязь неизвестный.
Случай бы любой нашла,
Так и замуж бы пошла.
В ней уродство замечают,
Чары злобные мешают
Видеть дивные цветы
Средь душевной простоты.
Будто пальцем кто манит:
– Ты себя другою мни,
Погоди немного,
И придет подмога.
Счастье уж не за горой –
Красик – суженый он твой.

Мчатся праздника денечки,
Уезжают гостенёчки.
Луковна: – И что же будет?
– Шли на кухню – все забудет!

По Кутафьину совету –
Босоножку сжить со свету
Посылает в кухню мать.
Мыть посуду, подметать.
– Пусть найдут под стать работу,
Не подумает никто там,
Будто это Ваша дочь,
Слухи не к чему толочь!
Мать еще сопротивлялась,
Видно, что сомненье вкралось:

– Жаль мне глупую ее –
Там жестокое житье!
– Ну, тогда ласкай, лелей,
Всех уродов пожалей.

И пока дремали слухи,
Босоножка уж на кухне.
Было слез-то, было греху,
Зато утром было смеху!
Поварята, поварихи,
Повара – ребята лихи,
Потешались досыта:
– Ты откеля, красота?
– Царство цело обыскать
А такую не сыскать!
Сдерживали удила –
Всё ж царица привела.
Дело, видно, непростое,
Что-то... кроется ...такое!
Ключница заботится:
– Это не работница!
Одежонка плоховата
И обувка дыровата.
И куда это годится?
«Протеже» самой царицы
Как-то тайно привела,
Не к добру эти дела!

Босоножке хоть бы хны,
Она вырвалась из тьмы,
Из тьмы заточения
Всем на развлечение.
Пицца – праздник языкам.
Слава кухонным делам!
Там в котле варится пиво,
Блюда вкусны и красивы.
Но всю кухню обойдешь,
Добрых сердцем, не найдешь.
Вот талант! Ура! Виват!
Но душою он горбат.
Вкусный хлеб печет Одна,
Но криклива и злобна!

Почему? Мозги опухнут,
Эти люди лезут в кухню?
Почему не сыщешь в ней
Сердца доброго добрей?
Может это похвальба,
Может страстная мольба,
Ты здесь нужен, ты у дела,
Колесница не задела,
Мимо ехавшего Бога,
Что уж кажется так много.

Здесь не любят терпеливых,
Умных, добрых, не злобливых,
Как уродуют здесь стойких,
Бьют и честных, и достойных.

Всяк и «кухни» любят тех,
Кто любой ценой наверх!
Кто по головам пройдет,
Лишь бы выбиться вперед!

Там Старшая Повариха
Расправлялась очень лихо.
Бедолагу Баба бьёт:
Грохнет кулачищем в бок,
Схватит, дёрнет за косу.
Та с улыбкой – все снесу.
Так и, молча все сносила,
Чем до ужаса бесила.
А кому это по нраву?
– Мы найдем тебе управу!
И все жалились царице:
– Нечем, матушка, гордиться,
А ленива – лечь, да сесть,
Даром царский хлеб лишь есть!
Но царица отстранилась:
– Бейте, чтобы не ленилась!
И уж тут спешили все,
Выступить во всей красе.
И в чулан ее садили,
Колотушкой колотили,
Возмущались все притом, –
Не ревет хоть в горле ком.

На все козни отмолчится,
Только локтем защитится...
И всегда печальная,
– Ну же и отчаянная.
И ничем ведь не пронять!
Нет, такую не понять...

Ну, а если разобраться,
То кому там догадаться?
Что у человечка есть
Ум, Достоинство и Честь!
И они-то не кричат
Ну, хоть жгите их в печах.
Это никуда не слить,
За серебрянный не сбыть!
Даже ночью не забыть,
Даже спяну не пропить,
Если бы понять чуть-чуть
Что оно такое? Жуть!
– Ей на ум еще придёт
И дворец наш подожжёт.
Покумекав меж собой,
Шли к царице всей гурьбой:
– Ты не в чём нас не вини,
Непокорную возьми,
Дожились мы до беды:
Не до сна, не до еды.

– Ой! Какое мне житье!
Вы опять все про нее!
Что мне делать (Вот позор)!
– А сошли на задний двор.
– С глаз долой, из сердца вон.
– Марш гусятницей в загон.

Босоножка даже рада –
Позади тюрьмы ограда.
Что кормили очень плохо –
В том печали-т на полвздоха,
Завернет в холстинку корок
И с гусями на пригорок,
Пить захочет – все к реке,
Кто в воде, кто на песке.
Сверху солнышко ликует,
Словно матушка целует,
Травка ножки ей щекочет,
Рассмешить бедняжку хочет.
Среди равных, добрых, любых
На свободе нету грубых!
Босоножка посвежела,
На приволье песни пела.
Подпевали ей цветочки,
Ветры, травы и кусточки,
И всерьёз твердили птицы:
– Быть тебе, ещё царицей!
Знаем мы – чей ты ребенок,
За тобой следим с пеленок,
Тяжело тебе живётся,
Зато сторицей вернется,
– Я готова пострадать
Только бы царевной стать.
Не ходить в отрепьях рваных,
Чтобы приняли на равных.
Но с гусями было вольно,
И она была довольна.
Лишь одно и огорчало:
Утра страшное начало –
Царский повар приходил,
Выбрав гуся, уходил.
Царь Горох любил гусей:
– Ещё были б без костей.
С ним равнялся Пантелей:
– Гуси лучше карасей.

Гуси долго гоготали,
На судьбу свою роптали.
Босоножка как умела
Успокоить их хотела.
Но утешить не могла,
В том бессильная была.
В основном все было чудно,
Симпатично, обоюдно.

А когда цари не дрались,
Как могли – так развлекались.
И порой любого рода
Понаедет вдруг народа!
Так и жили – пировали,
Да друг к дружке наезжали.
Пили зелье, ели, спали,
Да еще и обсуждали:
Мол, Косарь с Кутафьей скупы,
Пантелей обжора глупый,
И какой – то есть подвох –
Добрый снова стал Горох.
Славный царь, гостеприимный
Стол заставлен длинный – длинный.
Всем здесь рады,
Всех здесь ждут,
Гости едут и идут.
Едут дамы в колымагах,
Витязи на аргамаках.
Понаехало гостей,
Привезли с собой вестей:
Сказок, басен, повестей.

Объявляет царь Горох:
– Чтоб развлечься всякий мог,
В чистом поле у Болота –
Соколиная охота.
Мы поставим там шатёр,
Чтоб гуляню был простор.

Будут гости веселиться,
Могут доблестно сразиться.

Вот въезжает на пустырь
Славный Красик – богатырь.
Он еще по той пирушке
Очень люб моей подружке.
Если витязи гарцуют,
Добрый конь его танцует!
Вообще, среди всех гостей
Красик славных удалей.
От стола к столу царь ходит
Речи добрые заводит:
– Эх, не брюхо б, да бока
Я сплясал бы гопака.
Видно есть всему конец,
А какой был молодец!
Карпа выловил в затоне –
Чешуя с мои ладони.
Луковна его локтем:
– Может, что забыл путем?
Ну, и царь Пантелей
Тоже хвастаться скорей,
Про рыбалку речь завел,
Руки во-о-о как он развел,
– Не дури! – ему сказали
И запястья вмиг связали.
Он : – Не дале как вчера
Сам поймал я осетра,
Я за жабры волоку,
А глаза по кулаку!!
И он ими, паразит,
На меня в упор глядит.
Тут уж Луковна обратно
Кулаком шпыняет брата.

– Все-то врешь ты, Пантелей!
– Головой клянусь своей!
– Ты городишь огород –
Встал за правду царь Горох.
– А теперь, народ, послушай
Вот со мною вышел случай:

Ночь на волке я скакал,
Всех в округе испугал.
– Это надо же на волке!
Тут уж гости приумолкли.
Луковна: – Тебя послушать
И сейчас ты держишь уши.
Будет хвастать, старики,
Знаю: врать вы мастаки,
Как, ить, вам трепать охота?
Поезжайте на охоту.
Вот садитесь в колымагу
По колдобинам, оврагам,
Протрясете все бока
С Богом! Ну, пока! – Пока!
Витязи на конях скачут,
Старики сидят и плачут:
Мол, отъездили свое
Эх! Короста, не житье!

Но от царского веселья
Бедным только боль похмелья.
Босоножка средь полей
Весело пасет гусей,
И с пригорка у болота
Смотрит царскую охоту.
Как бросают соколов,
Как наставили шатров.

Бедной птице вовсе худо –
Шум и ор, стрельба повсюду,
Сильным – удаль, сильным – страсть,
Слабым нынче к мертвым пасть.
Босоножка их жалеет,
Уберечь лишь не умеет.
Проклинает гордых нрав,
И жалеет, что нет прав!
– Птицы, звери, сторонитесь!
Скачет к нам какой-то витязь!

Собрала вокруг гусей,
Стала витязя смелей:
– Нет управы на богатых!
Только тронь моих пернатых –
Громко крикнула она,
Хворостинку подняла,
Высоко ею махнула,
И в глаза его взглянула,
(Словно в море утонула)
Босоножка в нем узнала
Витязя из снов своих,
Тех, где радость расцветала,
Счастье было на двоих.
Конь под витязем храпит,
Всадник как влитой сидит.
– Кто же ты? Изволь помочь?
– Я! Царя Гороха дочь.
Засмеялся витязь громко:
– Вы Кутафьяна сестренка?

Здесь мы с вами тет-а-тет.
Соблюдая этикет,
Милая красавица,
Надо мне представиться.
Я – свободный, вольный витязь,

Не краснейте, не стыдитесь,
Если замужем, простите,
Просто другом назовите,
Ну, а если нужен братик
Вы зовите меня – Красик!

Загадали мне загадку,
Не могу никак понять,
Ну, хотя бы для порядку,
Как же мне вас величать?

Но она взглянула прямо,
Головой, тряхнув, упрямо.
И не стала называть,
Сразу виден гонор, стать
– Будет время не сейчас,
Всё узнаете тотчас.

Настроения не портя,
Витязь оглядел лохмотья,
Он ответом был сражен.
Взглядом глаз обворожен:
– Ну и, правда,
Вы точь-в-точь
Самого Гороха дочь.

Пот утер он рукавицей:
– Дайте хоть воды напиться.
Зачерпнув воды, как в ковшик,
Пить несет ему в ладошах.
Выпил витязь, вытер ус:
– На распутье нахожусь,
Как бы Вас мне не обидеть,
Многих приходилось видеть.
И скажу я без прикрас:
Вот такую – в первый раз.

Вот вернулся он на ставку,
Рассказал всем про чернавку.
Как же все здесь потешались!
До икоты все смеялись!
Витязи, богатыри,
Ты их этим не кори –
Все смешливы от безделья,
Все сгодится для веселья.

А на Луковну – ушат!
В пятки аж ушла душа-т:
От чего мать открестилась,
Не ко времени свалилось.

– Побыстрее послать за ней
Я даю своих коней.
Пусть услышат царь с царицей
Как плетутся небылицы.
Подгулявший Пантелей
Горд от выдумки своей.

Только Луковна решилась,
За бедняжечку вступилась:
– Что за радость?
Это, ведь,
На уродину смотреть!
– Пусть она нам отвечает,
Коль себя так величает.
И без лишних дум и мук
К ней отправили двух слуг.
И под смех и разговор
Привели перед шатер.
Царь Горох перекрестился
И со смеху покатился,
Как увидел он ее:
(Снова не узнал дитё)

– Мы таких хромым, горбатым
Не зовем к себе в палаты.
– Во Кремле нет столь палат,
Чем на ней любых заплат.
Гладит бороду свою:
– Видел, но не узнаю.
Нам узнать теперь невмочь,
Расскажи нам, чья ты дочь?

Босоножка смотрит смело,
Рассказала – точно спела.
Затаили люди вздох.
– Ваша дочь я, царь Горох!
Засмеялся весь народ,
Глядя на царя приплод.
Пантелей, как шар раздулся,
Смехом чуть не поперхнулся,
– Ах! Смешная! Босоножка!
Осади царя немножко!
Царь нашелся: Знаю я,
Что ты поддана моя!
Все вы для меня, как дети,
Я за вас за всех в ответе.
– Дочь! Горошинка! Родная! –
Говорит, чуть не рыдает.

Тут Кутафья: Я не верю!
Место ей за дальней дверью
И сама сцепилась с ней,
Чтобы выпихать взащей.
Царь Горох хотел озлиться,
Вспомнил – лучше не сердиться,
Вспомнил, что он – добрый царь,
Рассудительный, как встарь.
Был таким, таким остался
И сейчас расхохотался.
И все стали тут хихикать,
В Босоножку пальцем тыкать!

Та стояла у шатра –
Ни жива и ни мертва,
Ведь разумно речь вела,
Хоть из глаз слеза текла.
Не посмел никто обнять,
Горе горькое понять.

Все не знали, что же будет,
Как Господь людей рассудит.
Потому переминались:
Над дитём своим смеялись
Мать родная и отец.
Где же голос их сердец?
Да, жестокость жизнь не красит!
И вдруг вступил тут Красик,
Витязь молодой и вольный,
Происшедшим не довольный.
Стало стыдно вдруг ему,
Страшно, горько одному:
– Я несчастную нашел,
Это я ее подвел.
Мы родимся не для смеху,
Праздным людям на потеху.
Да, к тому же не резон –
Совестно со всех сторон
Над несчастным потешаться,
В этом надо разобраться.
В шкуре побывав уродца,
Ты поймешь, как сердце бьется,

Так же, как у всех людей,
Только чище и сильнее.

– Вы, цари и короли,
Витязи, богатыри,
Слово слушайте мое
В жены я возьму ее!
Красику народ внимает,
Он подходит, обнимает
И целует Босоножку!
Как Горох когда-то крошку.

Снова чудо тут случилось!
Босоножка превратилась
В деву дивной красоты,
Как лазоревы цветы,
В зной прохладный ветерок!
Кто б подумать только мог.
Молодым за все награда!
Ну, а большего не надо.

Спало с девы колдовство,
Как какое баловство.
Так исчезла Босоножка –
И явилась всем Горошка.

Первый витязь, богатырь
Без корысти полюбил,
Полюбил, какая есть,
И ему за это честь.
– Дочь моя – кричит Горох,
А кругом переполох.
Плачут люди и смеются,
А над ними гуси вьются,
Травы и цветы шумят,
Шелест, гул и аромат.

Что ж Кутафья и царица?
Вы бы видели их лица!
А что надобно невесте –
Слаще молчаливой мести?!
Мы ж не станем обижать,
Что же их уничтожать?

Все мы люди – «человеки»,
С нами слабости навеки.
Станут милости просить –
Вам захочется простить?
Или как они, мы тоже
Будем горе только множить?
Что ж, народ, тебе решать,
Воздухом каким дышать.

Это все давно так было,
Жалко времечко уплыло!
Время вех не замечает,
И эпохами шагает.
Раз – эпоха! Два – эпоха!
Нет давно царя Гороха!
Мир другой, но вот подвох –
Узнаем черты эпох.

Я на свадьбе была!
Мед, да пиво не пила,
Чего не было – так нет.
Я такой дала обет.
С брагою вкатили бочки,
Тут пришлось поставить ...

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

*Над чем не поплачешь –
про то не spoёшь.*

Зависти не ведала к талантам,
Просто рада, что мечта свершилась.
Сердце ваше разбудить решила,
Сказки стихотворным вариантом.
Не на развлечение и потеху
Выверялось каждое словечко.

Пусть живёт простое слово вечно,
Даст Бог, Случай приведёт к успеху.
Кончен труд! Куда сомненье делось!
Я теперь другой заботой маюсь,
Страх нет, ни капельки не каюсь,
Ведь писала сказку – славно пелось!!!

Книга издается в авторской редакции.
Рисунок на обложке – В. Павленюк.
Заказ № 1731. Подписано в печать 21.11.2017.
Изготовлено и отпечатано в центре «Отклик».
Курган, ул. 4-я Больничная 8-16, тел. 89058507000